

18+

КОРНИЕНКО АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

КАЙН

СПУСК В ПРЕИСПОДНЮЮ

Александр Корниенко

Кайн. Спуск в преисподнюю

«Издательские решения»

Корниенко А. С.

Кайн. Спуск в преисподнюю / А. С. Корниенко — «Издательские решения»,

Книга представляет собой самостоятельный небольшой роман-адденду к роману «Кайн», где повествование ведется от первого лица. Оказавшись в ловушке мистической пещеры, герой преодолевает запредельные муки и физическое разрушение. Столкнувшись лицом к лицу с древней сущностью, Кайн принимает свою страшную и неизбежную роль — стать архитектором конца старого мира.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. Отречение	7
ГЛАВА 2. Создавая условия	9
ГЛАВА 3. Граница возможного	11
ГЛАВА 4. Цена одержимости	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Кайн. Спуск в преисподнюю

Александр Сергеевич Корниенко

© Александр Сергеевич Корниенко, 2026

ISBN 978-5-0070-8712-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТУПЛЕНИЕ

Кто мы в этом огромном, бурлящем мире? Или же наш мир не такой уж и огромный, а всегда чем-то ограничен и скован? Шаг за шагом прокладывая путь через суматоху в пустоту, мы растрачиваем и теряем себя до тех самых пор, пока и сами не окажемся пустотой.

Мир дает нам выбор: плыть по течению, безмолвно и робко проживая свои ничтожные минуты, или, рассекая волны бушующим пламенем, рвать все вокруг, идя к своей идее. Полумеры делают нас слабыми, заставляют нашу волю сгибаться, будто плодоносящую яблоню, усыпанную тысячами плодов. Но эти плоды кормят лишь и так щедро замасленных чинуш и элиту, стоящую за ними. Полумеры ломают нас, как ветви тех самых яблонь, не давая возможности на восстановление.

Нас сделали слабыми и безвольными. Наши судьбы проданы и тут же куплены. Мы всего лишь звенья в цепи их прогнившей системы. Кто же во всем этом цирке уродов я? Я — Кайн!

Всю свою жизнь я шел вперед, не зная сожаления и пощады к врагам. Я видел любовь, и я видел смерть. Я знал радость и купался в боли. Мое тело и душа разрывались на части, заставляя мой разум создавать мою истину.

Все мои шаги вели меня к единому, осязаемому разумению всего сущего, но сейчас я стою на распутье. Мне нужно совершить немыслимые доселе для меня дела. Пройдя испытания, и так непосильные для живых и для живущих ранее, я столкнулся с тем, что не может покориться даже мне, но я иду вперед... Бойся, мир, бойся, человечество, ибо я не отступлюсь. Входя во тьму, я стану тьмой и буду творить. Творить свою судьбу.

ГЛАВА 1. Отречение

Я отправляюсь в путь. Моя внутренняя пустота изголодалась по крови и боли, но я не иду, чтобы заполнить эту пустоту. Сейчас я убегаю от всего мира и от самого себя.

Лучи солнца едва осветили улицы. Процветающий ныне, и страдающий ранее город еще дремлет, видя во сне то свою собственную гибель, то крохи надежды на что-то лучшее. Мои легкие не могут больше вдыхать воздух зарождающейся ныне эпохи. Все, кто мне близок, сейчас так далеки от меня...

Джо Коуэл — тот, на кого я мог равняться, ослаб и рухнул под натиском опьяненного общества и системы. Я больше не могу смотреть на то, как он продолжает разрушать себя. Его путь, настоящая философия и взгляды теперь чужды для меня, и я не могу двигаться с ним в одном направлении.

Кейли... Моя любимая Кейли... С тобой нам, к сожалению, тоже придется расстаться. Ты всегда будешь моей частью. Ты смогла собрать осколки моей души, разбитые о суровые реалии бытия, и соткать из них нечто, похожее на человека. Но я не могу быть человеком. Я не должен и не хочу быть всего лишь человеком в таком мире. Я вынужден тебя покинуть, ведь твои идеи, твоё твердое мышление слишком гуманны для меня. Я не могу позволить себе стать цивилизованным с тобой. Воплощай свои мечты в жизнь и будь кузнецом своего собственного мира.

Проходя по тихим кварталам, мне все вспоминались сцены боев на этих самых улицах. Я помню реки крови, которые я пролил, борясь за те идеи, что ныне упущены и развеяны по ветру, словно пепел. Мне вспоминались взгляды моих врагов, осознававших свою никчемность предо мной в те самые секунды, когда моя рука отнимала жизнь.

Я шел все дальше и дальше, где встречал все меньше домов и все больше деревьев, травы, насекомых, птиц и других животных. Я задумывался: там, где нет людей, жизнь цветет и пахнет, а люди словно вредители населили все вокруг и только лишь знают, как уничтожать первозданную природу. Люди разрушают планету и боятся за ее спасение. Люди — лицемеры в клоунских колпаках, которые делают все ради собственной выгоды, преподнося любые свои корыстные действия как щедрое праздничное блюдо, приготовленное для всех. Отведав этого блюда, люди сами задвигают перед собой ширму, за которой только что гостеприимный хозяин их же и обкрадывает. Люди так же наивны и глупы, как и коварны и жестоки.

За размышлениями я прошел целый день. Мое ранее небывало подготовленное и закаленное тело начало ослабевать. Я остановился в небольшом, по всем признакам заброшенном сарае, напоминающем часть старой фермы. Здесь я увидел столь же старый колодец. На мое удивление, механизм его исправно работал, а вода была кристально чистой и пьяняще холодной. Испив этой целебной влаги, я отправился на поиски пищи. Места здесь сейчас были практически дикими. Никто в этом городе больше не мог надеяться на свои собственные силы, чтобы прокормить себя. Все лишь стояли с протянутой рукой и просили у правительства подаяния в виде всевозможных гуманитарных товаров. Я же быстро отыскал съедобные ягоды и даже ранние фрукты. Когда я насытился, был уже поздний вечер. Мною было принято решение остаться переночевать в сарае. Лежа на исхудавших досках и глядя на луну и звезды сквозь множественные щели и выгнившие, разбитые шиферины на крыше, я невольно задумывался: что ждет в дальнейшем Кейли и Джо? Что ждет город? Пойдут ли во благо городу новые изменения, или же все непременно приведет его к гибели... Так я сомкнул глаза и заснул.

Утро было хмурым. Перекусив собранными вчера лакомствами, я продолжил свой путь. Через несколько часов я почуял манящий морской запах. Когда я дошел до берега, то увидел, что он крутой и к воде не пробраться. Тут я начал искать место для себя. Я шел вдоль моря, встречая все более крутые и дикие скалы; покоряя одну за другой, я словно испытывал себя,

проверяя, на что я способен, и ставя каждую новую скалу как цель, как мнимую небольшую победу. Движения мои были четкими и выверенными. Несмотря на то что я никогда не покорял подобных горных пиков, я двигался грациозно и уверенно, как ирбис. И вот, покорив самую крутую и высокую вершину, я увидел нечто похожее на поляну с деревьями и прочей растительностью, спрятанную в защищенной со всех сторон острыми скалами бухте.

Увидев эту бухту, я сразу понял, что это место мне подходит. Оно словно было моим отражением или дополнением, подчеркивающим мои внутренние черты. Спешно спустившись, я начал осматриваться. Тут я нашел много фруктовых деревьев. Плоды в большинстве своем были еще незрелыми, но перспектива их наличия на моей поляне меня весьма радовала. Также я обнаружил небольшой горный ручей с чистой водой. Большого мне и не нужно было.

Вечерело. Я сидел на каменистом пляже и наблюдал, как волны разбиваются о массивные куски скал, обрушившихся на берег. Несмотря на неприступные грани скал, создающие эффект заточения, я наконец-то был свободен. Я чувствовал: здесь я наконец-то обрету самого себя.

ГЛАВА 2. Создавая условия

Я начал осваивать свой оазис. Нехитрым способом я соорудил себе импровизированное жилище. Мои руки еще никогда не были настолько ловкими. Я создавал простые механизмы из подручных средств. Соорудил резервуары для пресной воды на случай, если ручей вдруг иссякнет. Вел подсчет фруктовых деревьев, обнаружил немного ягод, стал создавать условия для их разрастания. Мой маленький мир был для меня абсолютно понятен, и я планомерно покорял его, при этом соблюдая истинную гармонию с природой.

Из найденной на берегу частично сгнившей, но сохранившей значительную часть в приемлемом заводском виде открытой консервной банки я соорудил рыболовные крючки. Леску сплетал из ниток, торчащих из моей одежды. Также я использовал древесную кору. Спустя несколько дней я смог добыть первую рыбу, поймав ее на выкопанного червя.

Теперь мне предстояло добыть огонь. Древесные ресурсы моего райского уголка, хоть и были довольно значительными, все же оставались конечными. Я понимал, что нужно придумать способ быстрой добычи огня, и стал пробовать сооружать различные конструкции. Тратить попусту силы я не хотел, поэтому полагался на математический и физический расчет. Со своих шнурков, а также из нескольких палок и камней, я собрал оборотный механизм с противовесами, силы трения при оборотах которого должно было хватить на розжиг сухой стружки. Я начал крутить свою приспособу, и пусть с трудом, но огонь все же добыл. Я понимал, что ресурс моих шнурков не безграничен. К тому же, пусть мой навык со временем и ускорит розжиг, этого недостаточно для комфортного и быстрого приготовления пищи. К тому же всякое может случиться, а огня под рукой может не оказаться. Я всегда перестраховывался и любил иметь достаточно запасов, чтобы ни в чем не нуждаться.

Я начал искать другой, более быстрый способ розжига огня. Как временная мера, иногда я «консервировал» горящие угли в свертке из коры деревьев, мхов и небольших ветвей. Так угли могли оставаться в тлеющем состоянии по несколько часов, после чего я разворачивал сверток, раздувал их и вновь был с огнем. Но такой способ тоже был ненадежным. Иногда угли затухали, и их невозможно было раздуть, а если я менял состав коры в свертке, он и вовсе разгорался спустя несколько минут после помещения внутрь углей.

Я начал исследовать побережье в поисках камней, способных давать искру, подобно огниву. Поиски не увенчались успехом. Однажды я пошел рыбачить в один из краев моего прибежища, что у самых крутых и отвесных скал. Рыба очень долго не клевала, что меня на тот момент порядком расстроило. Хоть я и был весьма усидчивым, но в тот день, и в тот момент, мне будто было не по себе. На меня словно давили скалы, я слышал какие-то шумы, становился раздражительным по любому пустяку. Мне хотелось прыгнуть в воду и руками поймать эту привередливую рыбу. И вот, уже на грани того, чтобы не совершить что-то глупое, я сделал несколько шагов назад, схватил весьма крупный камень и собрался кинуть его в воду, как вдруг увидел, что за этим камнем лежал небольшой камешек, размером всего несколько сантиметров, который почему-то привлек мое внимание. Выбросив в сторону поднятый булыжник, я поднял камешек и рассмотрел его. Камень состоял как будто из нескольких составляющих, был черновато-металлического цвета и как-то по-особенному блестел. Ударив им о лежащую гальку под острым углом, я увидел несколько искр. Я снял свой ремень, на котором была массивная металлическая пряжка с довольно острыми углами. Взяв пряжку, я быстро провел ею по камешку — искры разлетелись во все стороны. Я ликовал. Наконец-то я нашел хоть и временное, но быстрое средство для розжига огня. Придя в лагерь, я, разумеется, опробовал мое огниво в действии — все сработало почти мгновенно. Теперь я был своеобразным повелителем огня на этой поляне.

День за днем я совершенствовал свои навыки в добыче еды, укреплял свое убежище, придумывал, конструировал. Однажды я сидел на небольшом холме неподалеку от убежища, где соорудил некое подобие пляжного лежака из сухих веток, листвы и мхов. Попивая свежую воду из ручья, облокотившись на свой лежак, я ловил глазами лучи заходящего солнца. Вдруг мой взор привлекла та самая крутая скала, вблизи которой я раньше нашел огниво. Лучи солнца упали на верхушку этой скалы так, что она отразила их, и они сбликовали прямо мне в глаза. Я взял свое огниво, быстро взобрался на ближайшую возвышенность в надежде достать до заходящего солнечного света, и вот, вытянув руку с камешком вверх и покрутив его, увидел, что под нужным углом камешек создает такой же блик. Пазлы для меня сошлись воедино. Мне нужно было добыть больше таких камней...

ГЛАВА 3. Граница возможного

Азарт — это коварный яд, который исподволь, капля за каплей, отравляет даже самый холодный и расчетливый рассудок. Я стоял внизу, задрав голову к небу, и смотрел на вершину скалы, которая уходила не в облака, а просто вверх, чтобы мы не понимали точную ее высоту. Она возвышалась передо мной монолитной преградой, теряясь в недосыгаемости, так что невозможно было даже предположить, где именно заканчивается этот каменный хаос. Она виделась мне не просто нагромождением безжизненной породы, а личным вызовом, брошенным самой судьбой, — барьером, который я, Кайн, был обязан преодолеть или сломаться в попытке. Мои пальцы, еще совсем недавно без видимого труда крушившие кости и челюсти моих врагов в городских переулках, требовали большего, они жаждали иного сопротивления.

Я начал свое восхождение, когда солнце только коснулось горизонта, окрасив скалы в цвет запекшейся крови. Первые часы всё шло поразительно гладко: мои руки уверенно, словно когти зверя, впивались в едва заметные расщелины, а ноги безошибочно находили опору там, где, казалось бы, ее не могло быть в принципе. Мое тело двигалось в унисон с ритмом самой горы. Но на середине пути я внезапно уперся в монолит. Гладкая, как отполированное зеркало, вертикальная плита преграждала мне дальнейший путь. Я пробовал зацепиться раз, другой, третий — кончики моих пальцев лишь беспомощно скользили по каменной глади, не находя ни малейшей зацепки. В этом не было ни страха, ни ощущения надвигающегося срыва, просто — холодная, непреодолимая стена. Впервые за долгие, бесконечно долгие годы я был вынужден отступить.

Те дни превратились в суровую, изнуряющую рутину подготовки, граничившую с одержимостью. Я больше не просто жил — я методично перековывал самого себя, превращая плоть в инструмент достижения цели. Мои ладони стали грубыми, превратились в подобие наждачной бумаги, покрывшись толстым слоем мозолей, когда я, день за днем, раз за разом поднимал тяжелые, шершавые валуны, укрепляя хват и силу предплечий. Мои ноги превратились в тугие стальные пружины — я часами приседал и делал глубокие выпады с весом, который разрывал мышечные волокна, но заставлял их срастаться крепче, делая меня практически неуязвимым.

Странное, почти иррациональное чувство тянуло меня к этой скале с неведомой силой. Это было уже не просто банальное желание завладеть тем странным огнем, что я нашел ранее. Это был зов. Будто сама скала знала, что я иду, что я приближаюсь, и теперь требовала от меня полной, абсолютной отдачи, проверки на прочность, которую до этого момента не проходил ни один живой человек.

Когда я снова вернулся к той проклятой стене, я был уже другим существом. Тот выступ, который прежде казался непреодолимым, сдался под натиском моих окрепших, железных пальцев без особого сопротивления. Я двигался плавно, практически механически, метр за метром приближаясь к заветному пику. В тот миг я чувствовал себя хозяином мироздания. И вот — край. Я подтянулся, готовый вонзить пальцы в заветную породу, чтобы добыть свое сокровище.

Но в долю секунды, когда мой взгляд случайно скользнул за кромку вершины, мир вокруг меня внезапно перевернулся. За скалой чернел глубокий, пугающий зев пещеры. Из её непроглядной глубины исходило мерцание, которое невозможно было спутать ни с солнечным бликом, ни с обычным светом — она пылала изнутри багровым, абсолютно неестественным огнем. Этот свет ударил в меня, как высоковольтный электрический ток, прошел насквозь, лишая дара речи. И в это же самое мгновение хрупкий, источенный временем карниз под моей ладонью с сухим треском обрушился.

Мир дернулся, накренился и полетел вниз. Я сорвался в бездну.

Падение было коротким, но невероятно беспощадным. Я отчаянно рвал пальцами пустой воздух, пытаясь уцепиться хоть за что-то, и в итоге, в последний момент, вцепился в тот самый злосчастный выступ на середине пути. Удар пришелся прямо на ноги — резкий, тошнотворный, отчетливый хруст кости в левой голени отозвался во всем моем теле, заставив потемнеть в глазах. Каменный дождь обрушился сверху: крупные обломки скалы, острые, как хирургические скальпели, полосовали мою кожу, оставляя глубокие рассечения и рваные раны, из которых толчками сочилась кровь.

Боль? Она была, разумеется, но где-то далеко, на самой периферии моего сознания, приглушенная шоком. Я спускался вниз, волоча свою сломанную, безжизненную ногу, каждый вдох давался с огромным трудом, сопровождаясь хрипом. Добравшись до своего лагеря, я, стиснув зубы до скрежета, чтобы не потерять сознание, наложил импровизированную шину из найденных обломков дерева и остатков своей одежды. Я рухнул на свою «постель» из прелого мха, безразлично глядя на темно-алую кровь, просачивающуюся сквозь повязки. Мое тело было разбито, искалечено, превращено в кусок мяса, но разум оставался кристально чистым, холодным, как лед. Я практически не чувствовал боли в раздробленной кости, она стала для меня второстепенной. Все мои мысли, вся моя суть были сосредоточены теперь на одном — на том багровом пламени в глубине пещеры. Оно звало меня, оно манило меня своей опасной тайной. И теперь я знал точно, без тени сомнения: я не просто останусь здесь зализывать раны. Я доберусь до этого огня, я покорю эту гору, чего бы мне это ни стоило — хоть жизни, хоть самой моей души. Я начал свой путь к истине, и отступить было уже поздно.

ГЛАВА 4. Цена одержимости

Я поставил перед собой ясную и беспощадную цель: во что бы то ни стало преодолеть этот проклятый пик, который едва не лишил меня жизни, и добраться до той пещеры, которую я мельком видел в прошлый раз. Этот вход, скрытый от глаз случайных путников, стал для меня единственным ориентиром в окружающем хаосе. Я больше не был просто скитальцем, ищущим укрытия или пропитания; теперь я стал охотником, преследующим свою добычу, а моей целью был сам путь — таинственный, опасный и неумолимый. Я знал, что за этой скалой скрывается нечто большее, чем просто пустота и камни, и мой разум, избавленный от лишних сомнений, был полностью сосредоточен на предстоящем испытании.

Время в моем временном лагере превратилось в бесконечную, тягучую пытку, где единственным мерилom успеха была способность ежедневно преодолевать собственное изломанное тело. Моя сломанная нога превратилась в тяжелые, унижительные оковы, которые сдерживали мой дух, не давая ему устремиться вверх, туда, к вершине, но я с самого начала отказался стать их покорным рабом. Каждое мое движение было насквозь пронизано острой, пульсирующей болью, которая вспыхивала в надломленной кости при малейшей, даже случайной нагрузке, но я не позволял себе ни минуты праздности или жалости к себе. Даже когда я был вынужден часами сидеть неподвижно, чтобы дать кости хоть какой-то шанс на срастание, я непрерывно нагружал свои руки, развивая хват, доводя мышцы до иступленной дрожи, пока не переставал чувствовать свои предплечья вовсе, превращая их в каменные жгуты.

Я превратил процесс своего медленного выздоровления в жесткую, беспощадную систему. Это была тотальная война на полное истощение, которую я вел против самого себя, против своей биологической хрупкости. Но в этой войне неизбежно случались и болезненные отступления, которые я ненавидел всеми фибрами души. В порыве безумного упрямства, стремясь максимально ускорить свой прогресс, я катастрофически переоценил прочность еще не успевшей окрепнуть кости. Одно-единственное неловкое движение во время интенсивной, выматывающей тренировки — и резкая, ослепительно-белая вспышка боли снова прошла ногу от пятки до бедра, с хрустом обнуляя недели мучительного, кропотливого срастания. Я упал на спину, судорожно зарываясь пальцами в холодную, твердую землю, чувствуя, как внутри меня клокочет первобытная, почти животная ярость. Это была ненависть не на превратности судьбы, не на холодную скалу, которая не желала мне покоряться, а на собственную плоть, которая оказалась до обидного слабее моего нестигаемого стремления.

Я начал всё сначала, с самой нижней точки. Снова шина, снова принудительный покой, снова упражнения на самом пределе допустимого, когда грань между тренировкой и разрушением становилась почти неразличимой. Я стал подлинным мастером своего собственного тела, изучив досконально каждый нерв, каждый предел своей выносливости, каждую болевую точку. И когда, наконец, я уверенно встал на обе ноги, чувствуя, что они снова готовы нести меня в бой, я понял — долгожданное время пришло.

Я готовился к решающему восхождению с педантичностью фанатика, одержимого своей миссией. Я тщательно рассчитал необходимый запас воды, собрал провизию, перепроверил каждую деталь своего снаряжения по десять раз, чтобы ничто не могло помешать мне в самый критический момент. Ранним утром, когда густой, влажный туман еще плотно устилал бухту, скрывая все земные ориентиры, я стоял у самого подножия той самой скалы, что так жестоко меня наказала. Она молчала, равнодушная к моим усилиям.

Я медленно положил ладонь на холодный, шершавый, обветренный камень. В этот короткий момент всё вокруг замерло, время остановилось в ожидании. Сквозь грубую породу я ощутил странную, едва уловимую вибрацию — не физическое сотрясение земли, а почти осязаемую, глубокую пульсацию, идущую откуда-то из самой сердцевины горы, из той самой зага-

дочной пещеры, которую я видел с высоты. Эта энергия была мне вовсе не чуждой, напротив, она казалась до боли, до дрожи знакомой. Она вибрировала в унисон с тем мраком, что я постоянно чувствовал внутри себя в самые темные, самые отчаянные моменты своей скитальческой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.